

И.С. Шмелев

Неупиваемая чаша

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ш72

Ш72 **Шмелев И.С.**
Неупиваемая чаша / И.С. Шмелев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 163 с.

ISBN 978-5-517-82950-4

ISBN 978-5-517-82950-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША.

Неупиваемая чаша.

Дачники съ «Лянуновки» и окрестностей любят водить гостей «на самую Лянуновку». Барышни говорят восторженно:

— Удивительно романтическое мѣсто, все въ прошломъ! И есть удивительная красавица... одна изъ Лянуновыхъ. Цѣлыя легенды ходять.

Правда: въ «Лянуновкѣ» все въ прошломъ. Гости стоятъ въ грустномъ очарованіи на сырватыхъ берегахъ огромнаго полноводнаго пруда, отражающаго зеркально каменную плотину, столѣтнія липы и тишину; слушаютъ кукушку въ глубинѣ парка; вглядываются въ зелено камин пристаньки, съ затонувшей лодкой, наполненной головастиками, и стараются представить себѣ, какъ здѣсь было. Хорошо бы пробраться на островокъ, гдѣ теперь все въ малинѣ, а весной поють соловьи въ черемуховой чащѣ; но мостки на островокъ рухнули на серединѣ, и прогнѣли подъ берестой березовыя перильца. Кто-нибудь запоетъ срывающимся тенор-

комъ:—«Невольно къ этимъ грустнымъ берега-амъ»....—и его непременно перебыють:

— Идемъ, господа, чай пить!

Пьютъ чай на скотномъ дворѣ, въ крапивѣ и лопухахъ, на выкошенномъ мѣстечкѣ. Полное запусьтнѣе, — каменные сараи безъ крышъ, въ проломы смотрится бузина.

- Одинъ быкъ остался!

Смотрять—смѣются: на одинокомъ столѣу воротъ еще торчитъ побитая бычья голова. Во флигелькѣ, въ два окошечка, живетъ сторожъ. Онъ приносить осколокъ прошлаго— помятый зеленый самоваръ-вазу и говоритъ неизмѣнное: «сливковъ нѣту, хоть и скотный дворъ». На нѣго смѣются: всегда распояской, недоумѣнный, словно что потерялъ. И жалованья ему пять мѣсяцевъ не платятъ.

—А господа все судятся?! —подмигивая, удивляется бывалый дачникъ.

— Двадцать два года все судъ идетъ. Который баринъ на полькѣ женился... а тутъ еще вступилсь... а Катерина Митревна... — нацлывать мнѣ, говорить. А безъ ее нельзя.

И опять всѣ смѣются, и сараи — каменнымъ пустымъ брюхомъ.

Идутъ осматривать домъ. Онъ глядитъ въ паркъ, въ широкую аллею, съ черной Флорой на пустой клумбѣ. Онъ невысокій, длинный, подковой, съ плоскими колонками и огромными ок-

намп по фасаду, — напоминает оранжерею. Кто говорить — ампръ, кто — барокко. Спрашивают сторожа:

— А можетъ п рококо?

— А мнѣ что... Можетъ, и она.

Входятъ со смѣхомъ, идутъ амфладой: банкетныя, боскетныя. залы, гостинныя — въ зеленоватомъ полусвѣтѣ отъ парка. Смотрить нѣмо корельская береза, красное дерево; горки, угольные диваны-исполины, гнутыя ножки, пузатые комоды, тускнѣющая бронза, въ пыли уснувшія зеркала, усталыя отъ вѣковыхъ отраженій. Молодежь выписываетъ по пыли пальцамъ: Анюта, Костя... Оглядываютъ портреты: тупецъ, тугіе воротнички, глаза навывать, насандаленные носы, парики, — скука.

— Вотъ, красавица!

Изъ-за этого портрета и смотреть домъ.

— Глаза какіе!

Портретъ въ овальной золоченой рамѣ. Очень молодая женщина въ черномъ глухомъ платьѣ, съ чудесными волосами красноватаго каштана. На тонкомъ блѣдномъ лицѣ большіе голубые глаза въ радостномъ блескѣ: весеннее перелпвается въ нихъ, какъ новое послѣ грозы небо, — тихій восторгъ просыпающейся женщины. И порывъ, и наивно-дѣтское, чего не назовешь словомъ.

— Радостная королева-дѣвочка! — скажетъ кто-нибудь, повторяя слово забвѣлаго поэта.

Стоять подолгу, и, наконецъ, всё соглашаются, что и въ удлиненныхъ глазахъ, и въ уголкахъ наивно полуоткрытыхъ губъ — горечь и затанувшееся страданіе.

— Вторая неразгаданная Мопса Лиза! — кто-нибудь скажетъ непременно.

Мужчины — въ мимолетной грусти несбывшагося счастья: женщины затихаютъ: многимъ ихъ жизнь на минуту представляется сѣренькой.

— Секретъ! — спѣшить предупредить сторожъ, почесывая кулакомъ шишу. — На всякаго глядеть сразу!

Всѣ смѣются, и очарованіе пропало. Секретъ всѣ знаютъ и мѣшаютъ мѣста. Да, глядѣть.

— И другой секретъ... про анспиратора! Пронесено на ней тамъ...

Сторожъ шлепаетъ голой грязной ногой на табуретку, снимаетъ портретъ съ костыля, держитъ, будто хочетъ благословить, и барабанитъ пальцами: читайте! И всѣ начинаютъ вполголоса вычитывать на картонной наклейкѣ выписанное красиво вязью, съ красной начальной буквой:

... Анастасія Ляпунова, по роду Вышатова. Родилась 1833 года мая 23. Скончалась 1855 г. марта 10 дня. Выписъ изъ родословной меморіи

рода Вышатовыхъ, листъ 24: «На балу санктъ-петербургскаго дворянства Августѣйшій Монархъ изволилъ остановиться противъ сей юной дѣвицы, неполненной пѣжныхъ прелестей. Особливо поразили Его глаза оной, и Онъ соизволилъ сказать: „Maintenant c'est l'hiver, mais vos jeux, ma petite, réveillent dans mon cœur le printemps!“ А на утро прибылъ къ отцу ея, гвардіи секундъ-маіору Павлу Афанасьевичу Вышатову, флигель-адъютантъ и привезъ приглашеніе во дворець совокупно съ дочерью Анастасіей. О, сколь сія Монаршая милость горестно поразила главу фамиліи благородной! Онъ-же, гвардіи секундъ-маіоръ Вышатовъ, прозрѣвая горестную отнынѣ участь юной дѣвицы, единственнаго дитяти своего, и позоръ семейный, чего многіе за позоръ не почитаютъ, явилъ дерзостное ослупаніе, въ слухъ судьбахъ благопохвальное, и тотъ же часъ выѣхалъ съ дочерью, въ великомъ ото всѣхъ секретѣ, въ дальнюю свою вотчину Вышата-Темное».

Сторожъ убраетъ портретъ. Всѣ молчатъ: оборвалась недосказанная поэма. Мерцающіе несбыточные глаза смотрятъ, хотятъ сказать: да, было... и было многое...

Идутъ къ церкви, за паркомъ. Бѣгло оглядываютъ стѣнную живопись, работу будто-бы крѣпостнаго человѣка. Да, недурно, особенно Страш-

ный Судь: деревенскія лица, чуть ли не въ зпупунахъ.

— Господа, въ склепѣ опять *она!* Въ 905-мъ парни разбили надгробія и выкинули кости!

Входятъ въ сыроватый сумракъ, въ радугѣ отъ цвѣтныхъ стеколъ. Осматриваютъ подправленные надгробія, помятыя плиты. Одно надгробіе уцѣлѣло, съ вѣзданнымъ въ мраморъ медальономъ: *ея* портретъ, уменьшенное повтореніе. Тѣ же, радостно плещущіе глаза.

— Парни наши побили гроба...—равнодушно говоритъ сторожъ. — До «жеребца» добирался. А старики такъ прозвали. А эту не дозволяли беспокоить. Святой жизни, будто, была. Старики сказывали...

Больше оцъ ничего не знаетъ.

Смотрятъ бархатную черноту склепа — расплсь, Ангела смерти, съ черными крыльями и каменнымъ лпкомъ, перегнувшася по своду, склонившася къ *ея* надгробію, и бѣлыя лплн, слабо проступающія у стѣны: какъ живыя.

Осмотрѣно все, можно домой. Не показываетъ сторожъ могилы у сѣверной стороны церкви. Въ сочной трафѣ лежитъ обросшій бархатной плѣсенью валунъ-камень, на которомъ едва разберешь высѣченные знаки. Здѣсь лежитъ прахъ бывшего крѣпостного человѣка Ильи Шаронова. Имя его чуть проступаетъ въ уголку портрета. А

можетъ быть и не знаетъ сторожъ: мало кто знаетъ о немъ въ округѣ.

Церковь въ «Ляпуновкѣ» во имя Ильи Пророка, тянуть къ ней три деревни, а на Престолъ бываютъ и изъ Вышата-Темнаго, версть пятнадцать. Тогда приходитъ и столѣтній дьячокъ Каплюга, проживающій въ Высоко-Владычнемъ женскомъ монастырѣ, въ Настасьинской богадѣльнѣ. Старѣй его нѣтъ версть на сто; мужики зовутъ его Мусапломъ и какъ поѣдутъ на Илью-Пророка — везутъ на сѣнѣ. Отъ него и знаютъ про старину. А онъ многое помнитъ: какъ перекладывали Илью-Пророка и какъ вѣнчали Анастасію Павловну съ гвардіи поручикомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Ляпуновымъ: такіе-то огни на прудахъ запускали! Хорошо помнилъ дьячокъ Каплюга и какъ расписывалъ церковь живописный мастеръ, дворовый крѣпостной человекъ Плюшка.

— Обучался въ чужихъ краяхъ... я его и грамотѣ училъ.

Знаетъ Каплюга и про «жеребца», родителя Сергія Дмитріевича, и какъ жилъ на скотномъ во флигелечкѣ живописный мастеръ, и какъ померъ. И про блаженной памяти Анастасію Павловну, и называетъ ее — святая. И про Вышата-Темное, откуда она взята.

А Егорій-то на стѣнѣ... ого! И «Змѣя» того... прости Господи... самъ выдалъ. Только тогда объ этихъ дѣлахъ не говорилъ.

Лежитъ за рѣкой Шырлей, о-бокъ съ Вышата-Темнымъ. Высоко-Владычній монастырь, бѣлый, приземистый, — давняя обитель, стѣнами и крестомъ ограждавшая край отъ злыхъ кочевниковъ: теперь это женская обитель. На южной стѣнѣ собора свѣтлый рыцарь, съ глазами-звѣздами, на бѣломъ конѣ, поражаетъ конемъ Змѣя въ черной бронѣ, съ головой какъ у человека, — только язычнице, зубы и пасть звѣриные. Говорятъ въ народѣ, что голова того Змѣя «жеребцова».

Много разказовъ ходитъ про «Тяпуновку». А вполне достоверно только одно, что разказываетъ Каплюга. Самъ читалъ, что записано было самимъ Ильёю Шароновымъ тонкимъ красивымъ почеркомъ въ «итальянскую тетрадь бумаги». Тетрадь эту передать дячку самъ Илья накануне смерти.

— Такъ и сказалъ: «Анисьчъ... меня ты грамотѣ обучилъ... вотъ тебѣ моя грамота»...

Хранилъ дячокъ ту тетрадь, а какъ стали переносить «Неупиваемую Чашу» изъ трапезной палаты въ соборъ, смутился духомъ и передать записанное матушкѣ настоятельница втайнѣ. Говорилъ Каплюга, будто и доселѣ сохраняется